

АНДРЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ КУНИЛЬСКИЙ

доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики Института филологии, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
aek31@mail.ru

ВИТАЛИЗМ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Рассматривается бытование концепта «жизнь» и его усиленной версии «живая жизнь» в русской литературе 20–40-х годов XIX века в творчестве Жуковского, Гоголя, Белинского, Бакунина, Одоевского, славянофилов. Уточняются источники проникновения выражения «живая жизнь» в отечественную культуру. Отмечается, что указанный концепт использовался представителями самых разных литературных и общественно-политических направлений для репрезентации наиболее важных для них в смысловом и ценностном отношении идей.

Ключевые слова: русская литература первой половины XIX века, тема жизни, витализм, «живая жизнь»

В моей предыдущей статье [1] были указаны основные источники возникновения явления, условно обозначенного как витализм. Речь идет о повышенной значимости темы жизни в русской литературе начала XIX века, то есть в романтический ее период. Как отметил в свое время В. Г. Белинский, «ввел в русскую поэзию романтизм» В. А. Жуковский¹. И именно он еще до того, как Надеждин сформулировал свой знаменитый тезис («...где жизнь, там – поэзия»), писал: «И для меня в то время было Жизнь и Поэзия одно» («Я музу юную, бывало...», 1824)². Особую роль в его жизни, признается Жуковский, сыграл Гете:

И для меня мой гений Гете

Животворитель жизни был! («К Гете», 1827)³.

Однако ощущение жизни у Жуковского иное, чем у того, кого он назвал своим «животворителем». Его невозможно представить без связи с небесным, духовным началом. Об этом свидетельствует стихотворение «Жизнь» 1819 года. Здесь изображается, как Жизнь плывет, унылая, в лодке, и вдруг к ней прилетает ангел-хранитель:

Смотрит... ангелом прекрасным
Кто-то светлый прилетел,
Улыбнулся, взором ясным
Подарил и в лодку сел;
И запел он песнь надежды;
Жизнь очнулась, ожила
И с волненьем робки влады
На красавца подняла.

.....
О хранитель, небом данный!
Пой, небесный, и ладьей
Правь ко пристани желанной
За попутною звездой.
Будь сиянье, будь ненастье;
Будь, что надобно судьбе;
Все для Жизни будет счастье,
Добрый спутник, при тебе⁴.

И пусть даже считается, как указывается в комментарии к этому стихотворению в собрании сочинений Жуковского, что здесь в аллегорической форме изображено его отношение к фрейлине императрицы графине С. А. Самойловой⁵, однако топика произведения характерна для данного поэта с присущим ему ощущением связи между жизнью земной и небесным началом. На эту связь Жуковский указывает, говоря об отличиях, существующих между языческим и христианским отношением к жизни: «Правда, у древних всё жизнь, но жизнь, заключенная в земных пределах; и далее ничего: с нею всему конец. У христиан всё смерть, то есть всё земное, заключенное в тесных пределах мира, ничтожно, и всё, что душа, – нетленно, всё жизнь вечная. И всё оттого, что у них есть Один, Который смертию смерть попра и сущим в гробех живот дарова!»⁶

Разницу в понимании жизни у Жуковского и Гете отмечает А. Н. Веселовский, говоря об истолковании русским поэтом одной сцены из поэмы германского гения (статья Жуковского «Две сцены из Фауста» 1848 года): «Во всем этом нет и следа *des lebendigen Lebens* (живой жизни. – А. К.); Гёте нашел бы такое толкование по крайней мере *herzlich-fromm*»⁷, то есть искренне набожным, благочестивым, но, видимо, не совсем отвечающим смыслу текста.

Автором выражения *lebendigen Leben* является друг Гете Шиллер («Мессинская невеста», 1803) [4: 11]. Первый случай использования этого выражения русским литератором, насколько мне известно, связан с В. К. Кюхельбекером. Характерно, что он приводит изначальный вариант в письме к матери на немецком языке от 17 ноября 1820 года, присланном из Германии после встречи с Гете: «Деятельная, живая жизнь пробудилась во мне» [3: 303]. Русский вариант «живая жизнь», очевидно, впервые употребил в 1829 году будущий славянофил Н. М. Языков

в своем стихотворении «Прощальная песня»⁸. В нем с *alma mater* и однокашниками прощается студент Дерптского (ныне Тартуского) университета, где немецкие профессора читали лекции на немецком языке; так что введение в русский оборот немецкого выражения именно Языковым совершенно не случайно. Выражению этому в русской культуре суждено было большое будущее.

Следующее свидетельство об усвоении понятия находим в «Записках» А. О. Смирновой-Россет. Где-то в начале 30-х годов она присутствовала при разговоре Пушкина и Жуковского (общение Смирновой с Пушкиным и Жуковским происходило в 1831 году в Царском Селе и начиная с 1832 года после замужества в ее салоне): когда речь зашла о «Фаусте», Пушкин сказал, что в нем «больше идей, мыслей, философии, чем во всех немецких философах, не исключая Лейбница, Канта, Лессинга, Гердера и прочих. — Это философия жизни, *des lebendigen Lebens*, заключил Жуковский»⁹.

В то же время (то есть в 1831 году) Жизнь (именно с большой буквы) становится ключевым словом в программной статье нового журнала «Европеец», который начал издавать воспитанник Жуковского Иван Киреевский (за год до этого побывавший в Германии и воспринявший немецкую премудрость из первых уст — Гегеля, Шеллинга и других профессоров): «Именно из того, что Жизнь вытесняет Поэзию, должны мы заключить, что стремление к Жизни и Поэзии сошлись, и что, следовательно, час для поэта Жизни наступил»¹⁰. Здесь же происходит антропоморфизация (и эротизация) образа Жизни, характерная для представления о ней от Библии (Ева) до Ницше¹¹: «Ибо жизнь явилась ему (человеку нашего времени. — А. К.) существом разумным и мыслящим, способным понимать его и отвечать ему, как художнику Пигмалиону его одушевленная статуя»¹². У глубоко нравственного молодого автора еще не возникает мысли о возможности проблем в отношениях человека и жизни. А вот Языкову (который первым в России произнес слова «живая жизнь») и Ницше эти проблемы были хорошо знакомы — в виде погубившей их в конце концов болезни.

Как уже говорилось выше, В. Л. Комарович понятие «живая жизнь» на русской почве возводил к славянофилам. Автор комментария к роману Достоевского «Подросток» в академическом Полном собрании сочинений писателя Г. Я. Галаган в качестве подтверждения этого тезиса ссылается на статью Киреевского «Жизнь Стефенса» 1845 года¹³. Но мы уже знаем, что честь введения этого понятия в оборот принадлежит, скорее, Языкову, стихи которого публиковались в журнале Киреевского «Европеец» в начале 30-х годов. В 1834 году Киреевский использовал выражение «потребность жизни живее» (то есть потребность в том, чтобы жизнь стала живее) в статье «О русских писательницах»¹⁴. Строго говоря, в работе «Жизнь Стефенса» слова «жи-

вая жизнь» Киреевскому не принадлежат: они содержатся в той части, которая представляет собой перевод автобиографии датско-немецкого профессора Х. Стефенса (ученика Шеллинга), и выполнен этот перевод был матерью И. Киреевского А. П. Елагиной¹⁵. Х. Стефенс вспоминает о том, как он пытался примирить науку, преподавание и жизнь: «И то, что тогда казалось мне чуждым, чем-то отделенным от всего остального, от свежей, живой жизни, простою игрою остроумия — предстало мне теперь в виде значительной Науки. <...> Что был школьный формализм в сравнении с горячею, живою жизнью?»¹⁶

В 30-е годы поклонение жизни, признание ее высшей инстанцией стало распространяться среди русской интеллектуальной элиты. Об этом, в частности, свидетельствуют высказывания членов известного кружка Станкевича. Сам Н. Станкевич писал: «Оковы спали с моей души, когда я увидел, что вне одной всеобъемлющей идеи нет знания; что жизнь есть самонаслаждение любви и что все другое призрак» [5: 91].

У членов кружка М. А. Бакунина и В. Г. Белинского понимание «жизни» претерпело определенные изменения, что было выражением эволюции их мировоззрений. 4 сентября 1837 года Бакунин констатировал: «Итак: нет зла, все благо; жизнь есть блаженство» [5: 111]. Признание божественного характера жизни приводит Бакунина и Белинского к знаменитому «примирению с действительностью»: «Все живет, все оживлено духом. Только для мертвого глаза действительность мертва. Действительность есть жизнь Бога. Бессознательный человек также живет в этой действительности, но он не сознает ее, для него все мертво... Чем живее человек, тем более он проникнут самостоятельным духом, тем живее для него действительность... Что действительно, то разумно» [5: 111]. Для подтверждения своей правоты Бакунин ссылается на Пушкина, преодолевшего жизнеотрицание Байрона, а также обращается к авторитету Гегеля и Гете, называя их «главы этого примирения, этого возвращения из смерти в жизнь» [5: 116].

Восприятие жизни не «спотыкается» у Бакунина о факт существования страданий: «Страдание есть признак движения вперед, а движение есть признак живого источника жизни, а где есть жизнь, там и любовь, там и блаженство и все прекрасное и истинное» [5: 112–113]. Страдания свидетельствуют о противоречивости жизни: «Если мы говорим, что жизнь прекрасна и божественна, то мы уже тем самым говорим, что она полна противоречий <...> Противоречия — это жизнь, очарование жизни, и кто не может их выносить, тот вообще не может вынести жизни <...>» [5: 125]. И постепенно в концепции жизни у Бакунина происходит смещение акцентов — с утверждения на отрицание: «Будем доверять вечному Духу, который нас потому разрушает и уничтожает, что он есть неисчерпаемый и вечный творческий источник всей жизни. Радость

разрушения одновременно – творческая радость». Как отмечает Д. И. Чижевский, «этот манифест завершает философское развитие Бакунина. Он не видит дальнейшего пути развития для философии» [5: 130].

Таким образом, от благодарного всеприятия жизни, от взгляда на действительность как на жизнь Бога Бакунин приходит к прославлению вечного Духа разрушения и уничтожения, а кто это, как не дьявол? Именно его Бакунин теперь называет источником всякой жизни. В 1842 году Бакунин публикует статью «Реакция в Германии» в «Немецких ежегодниках» (1842, 17–21 октября, № 247–251). В ней он «отдает долги» своим немецким наставникам в учении о жизни, повергая их в изумление пониманием жизни как отрицания: «Как раньше вся жизнь была “примирением”, так теперь Бакунин “знает из своей рефлексии, а особенно из своего живого опыта... что отрицание есть единственная пища и основное условие всякой живой жизни”. Пафос отрицания в статье “Ежегодников” так поразил “немцев”, что Руге еще через тридцать лет с восторгом о ней отзывался; об авторе Руге не мог сказать много хорошего. Сильное впечатление произвела статья и на тех из русских друзей Бакунина (Герцен, Белинский), которым она стала доступна» [5: 131].

Белинский движется в том же направлении, что и Бакунин. Его эволюция от романтической агрессивности по отношению к действительности – к знаменитому примирению с ней, а затем к новому отрицанию неоднократно описывалась в научной литературе. Концепт «жизнь» также играет очень важную роль в его творчестве. Развитие русской литературы Белинский рассматривал как движение «от реторики к жизни»¹⁷. Именно «вождем жизни» впоследствии назвал выдающегося критика и отца русской интеллигенции Аполлон Григорьев¹⁸.

Совершенно не случайно, на мой взгляд, сосредоточенность на понимании жизни как истины в последней инстанции приводит Белинского к тезису о том, что «в объективном царстве мысли нет нравственности, как и в объективной религии»¹⁹, к прославлению «гильотины»²⁰, а также (какой бы смешной придиркой ни выглядело это замечание) к привычке напевать арию из популярной тогда оперы «Роберт-дьявол»²¹. В 40-е годы Белинский противопоставляет французскую революционность, «социальность» и практичность немецкому умствованию. На это, как и на другие перемены, справедливо указывает Д. И. Чижевский: «Немецкой культуре, которая для Белинского так внутренне близка идеалистической философии, теперь противопоставляется французская как более ценная, “живая”, близкая к жизни. В эти же годы Белинский переживает религиозный кризис, приводящий его к атеизму и отрицанию личного бессмертия» [5: 169]. Добавлю только, что именно немецкая культура – от Гете до Д. Штрауса и Фейербаха – давала теоретическое и эстетическое

обоснование переменам того рода, которые произошли в мировоззрении Бакунина и Белинского.

Писателем, который наиболее адекватно изображает жизнь, Белинский считал Гоголя. Именно его критик уже в 1835 году назвал «поэт жизни действительной» («О русской повести и повестях г. Гоголя») ²².

«Жизнь» стала объектом рефлексии Гоголя в самом начале его творческого пути. Об этом свидетельствует его очерк, который так и называется – «Жизнь» (1831). Здесь автор характеризует три великие культуры – Египет, Грецию и Рим, и самой живой из них оказывается греческая культура: «И говорит ясный, как небо, как утро, как юность, светлый мир греков, и, казалось, вместо слов слышалось дыхание цевницы: “Жизнь сотворена для жизни. Развивай жизнь свою и развивай вместе с нею ее наслаждения. <...> Жизнь создана для жизни, для наслаждений – умей быть достойным наслаждения!”»²³ Рождение Иисуса Христа заставляет «веселую Грецию» глядеть «беспокойно»²⁴, очевидно, от предчувствия своего поражения. В другой статье молодого Гоголя «Об архитектуре нынешнего времени» (1831) содержится мысль, что грекам-византийцам так и не удалось преобразовать свою культуру в христианскую, настолько это были разнородные явления: «Они языческие, круглые, пленительные, сладострастные формы куполов и колонн тщились применить к христианству, и применили так же неудачно, как неудачно привили христианство к своей языческой жизни, дряхлой, лишенной свежести»²⁵.

Таким образом, в сознании молодого Гоголя намечалось противопоставление «жизни» как радости и полноты природного бытия христианству.

В статье «О поэзии Козлова» (1831–1833) Гоголь описывает, как изменялось мировосприятие потерявшего зрение поэта: «Светлый, полный – раздольное море жизни – мир древних греков не властен был дать направление поэзии Козлова. Когда весь блеск, все разнообразие постоянно светлой, в бесчисленных формах проявляющейся жизни природы слились для него в одну ужасную единицу – в мрак, – могла ли душа жить прежними ясными явлениями?» Поэт ослеп, и ему оставалось лишь «горько улыбнуться уже несуществующей для нее (души. – А. К.) прежней Илиаде жизни». Его могло поддержать только «кроткое христианское величие веры...»²⁶.

В статье 1832 года «Взгляд на составление Малороссии» у Гоголя появляется выражение «жизнь живая». Ее он не находит в чуждой ему природе Великороссии. Так, Гоголь говорит о славянском народе, покинувшем южную Россию: «Он оставлял эти места и столпился в той части России, где местоположение однообразно гладкое и ровное, везде почти болотистое, истыканное печальными елями и соснами, показывало не жизнь живую, исполненную движения, но какое-то прозябание, поражающее душу мыслящего»²⁷.

В 1842 году Гоголь в письме к П. В. Нащокину (от 20 (8) июля) уже без инверсии использует

интересующее нас выражение: «Жизнь, живая жизнь должна составить ваше учение, а не мертвая наука»²⁸. В «Выбранных местах из переписки с друзьями» схожие по смыслу места встречаются неоднократно: актер-художник может сделать жизнь «видной и живой» («О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности», 1845)²⁹; русский язык «живой, как жизнь» («В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность»)³⁰. Наконец, во втором томе «Мертвых душ» об Улиньке говорится: «Это было что-то живое, как сама жизнь»³¹.

Процесс изменения восприятия жизни, происходивший в душе самого Гоголя, чем-то напоминает то, что, по его мнению, испытал Козлов. Непосредственная, природная жизнь (или, как он выражается, «Илиада жизни») постепенно теряет для него свои краски. В статье «Светлое воскресенье», вошедшей в состав «Выбранных мест из переписки с друзьями», Гоголь с болью восклицает: «И непонятной тоской уже загорелась земля; черствей и черствей становится жизнь <...> исполинский образ скуки <...> Все глухо, могила повсюду. Боже! Пусто и страшно становится в твоём мире!»

«Мы трупы», – констатирует автор «Мертвых душ», – а «церковь наша есть жизнь»...³²

В «Авторской исповеди» Гоголь отмечает то, что «... в нынешнее время <...> все так заняты вопросом жизни». Сам он давно этим занимался («Предмет у меня был всегда один и тот же: предмет у меня был – жизнь, а не что другое») и для себя вопрос о жизни уже решил: «Как бы то ни было, но жизнь для нас уже не загадка». Как явствует из дальнейших слов Гоголя, эту загадку разрешил Иисус Христос, и здесь писатель, очевидно, имеет в виду Его слова «Я есмь путь и истина и жизнь» (Иоан. 14:6). «Стало быть, вопрос решен: что такое жизнь»³³.

Для В. Ф. Одоевского, употребившего выражение «живая жизнь» в романе «Русские ночи» (1844), это понятие ассоциируется прежде всего с любовью. Исправить человека можно только силой любви, без этого «все труды над ним потеряны, ибо живой жизни ему не дали»³⁴. Тезису Декарта «*cogito, ergo sum*» и «в начале было дело» гетевского Фауста Одоевский противопоставляет свое понимание смысла жизни (глубоко чувствовать и любить): «Мыслить не значит жить... Действовать не значит жить... Нет жизни без глубокого чувства; нет сего чувства без любви; нет любви без сего чувства»³⁵.

В работах основоположников и главных идеологов славянофильства А. С. Хомякова и И. В. Киреевского слова «жизнь», «живой» играют ключевую роль и обозначают понятия, принадлежащие к сфере высших ценностей. Примеры из Хомякова: «искусство истинное есть живой плод жизни»; «жизнь всегда предшествует логическому сознанию и всегда остается шире его»; «познание жизненное»; «жизненное знание»; художество – «образ самопознающей жизни»; «жизнь уже потому, что жива, имеет

право на уважение, а жизнь создала нашу Россию»; «жизнь покупается только жизнью»³⁶. Неслучайно соратник Хомякова А. И. Кошелев для характеристики мыслителя использовал все то же слово: «Для Хомякова дороже всего была жизнь, правда, как в церкви, так и в человеке»³⁷.

Аналогичные хомяковские цитаты можно привести из сочинений Киреевского: «живое рождается только из жизни»; «живые истины... те... которые дают жизнь жизни»³⁸.

Отмечу при этом, что в работах Хомякова и Киреевского мне не удалось обнаружить случаев использования выражения «живая жизнь». «Жизнь живее» у Киреевского и «живая жизнь» в переводе его матери – не в счет (указанные случаи описаны выше).

Зато в сочинениях славянофилов братьев Аксаковых понятие «живая жизнь» встречается достаточно часто. С его помощью Константин Аксаков характеризует поэму Гоголя («Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова, или Мертвые души», 1842): «Все, от начала до конца, – полно одной неослабной, неустающей, живой жизни, той жизни, которою живет предмет, перенесенный весь и свободно без малейшей утраты в область искусства; жизнь всюду, в каждой строке <...>»³⁹. В другой статье «жизнь живая» рассматривается как синоним жизни народной («Три критические статьи г-на Имрека», 1847)⁴⁰.

«Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголя, как известно, в семье Аксаковых (за исключением Ивана) оценили негативно, и Константин объясняет это отношение опять же с помощью выражения «живая жизнь» (в письме к автору в мае 1848 года): «Сверх того, вас пленяла, как сказал я выше, художественная красота подвига, вы предались ей, этой опасной красоте, столь облыгающей веру и чувство и принимающей на себя их образ, столь соблазнительной, прекрасной и столь ложной, в настоящей живой жизни и в настоящей истинной истине»⁴¹. Обратим внимание на тавтологическое сочетание «истинная истина». «Живая жизнь», как и «душа души» у мистиков, – из того же разряда.

«Живой жизни» К. Аксаков не находит не только в последнем сочинении любимого писателя, но и в литературе в целом, которой эта жизнь противопоставляется. После суровой оценки отечественной словесности критик пишет: «Такова наша современная литература. Но унывать мы не будем: пусть темнеет ночь прожитого наконец нами дня; мы знаем, что жизнь жива <...>»⁴². Конечно, вера в то, что жизнь жива, должна поддерживать К. Аксакова при свойственном ему сознании мертвенного характера современного общества и его культуры. Но в одном из своих стихотворений («Разуму», 1857) он сетует на то, что слишком далеко эта жизнь скрылась:

В недоступные пучины
Жизнь ушла, остался след:
Пред тобой ее пружины,
Весь состав, а жизни нет⁴³.

Очень характерно при этом, что близкие Константину Аксакову люди (и это были именно женщины – мать, сестра) остро чувствовали то, что сам он находился с жизнью в очень противоречивых отношениях. Так, сестра Вера в письме к брату Ивану от 24 июня 1844 года пишет о Константине: «Истинно он меня иногда душевно огорчает, можно ли быть в таком противоречии с жизнью, как он, можно ли требовать от случайностей мимолетающих чего-нибудь положительного, законного; конечно, собственно в требовании этой законности, в желании найти их везде, в этом есть смысл, и глубокий, но хорошо это в области мысли, но в жизни, разумеется, это нарушает всякую гармонию жизни, делает жизнь не-жизнью»⁴⁴.

Иван Аксаков, действуя в рамках славянофильского идейного контекста, также неоднократно использует понятия «жизнь» и «живая жизнь». Но в его позиции есть свои особенности. Это известный скептицизм, характерный для молодого представителя славянофильской семьи. Скрытая полемичность присутствует в одном из стихотворений 1846 года, в котором обыгрывается тема мудрости позиции «жизнь для жизни» (напоминающая и о стихотворении Пушкина «К вельможе» – «Ты понял жизни цель: счастливый человек, Для жизни ты живешь» – и о «срывателе» цветов Печерине):

Блаженны те, кто с юношеских лет
Заботой дум себя не отравили,
Но радостей сорвали полный цвет,
Но на земле для жизни только жили.

И наконец под старость, в добрый час,
Когда грешить им стало не под силу,
Покаялись на случай, про запас.
И отошли в холодную могилу⁴⁵.

На склоне своих дней И. С. Аксаков, резюмируя смысл позиции славянофилов, писал: «Они, по выражению Хомякова, „допрашивают духа жизни“, скрытого в нашем былом и хранящегося еще в настоящем, т. е. в простом русском народе»⁴⁶. Однако сам он в молодости подвергал сомнению авторитетность «былого» и его наполненность «живой жизнью». В письме к родным от 5 ноября 1849 года из Углича – места, куда как связанного с русской историей, И. Аксаков замечает: «...Вы не вполне схватили мою мысль,

именно, что древние события превратились в чисто религиозные предания, но вовсе не живут живою жизнью <...>»⁴⁷. И гораздо позднее, также в переписке (письмо Т. Филиппову от 13 июля 1878 года): «Старина заслуживает почтения, но не должна глушить живой жизни»⁴⁸.

«Живая жизнь» продолжает оставаться для Ивана Аксакова высшей инстанцией («Мы совершенно оторваны от живой жизни и народа») ⁴⁹, но просто «жизнь» и «народ» явно таковой не являются:

«Ваш Хомяков слишком верит в жизнь, приятель ваш Константин Сергеевич Аксаков, кажется мне, слишком верит в авторитет народа».

«Но я не могу верить и в силу самой жизни; к чему привела эта вера в жизнь?.. К современному положению, ибо жизнь, предоставленная сама себе, легко может быть подавлена и искажена всякою внешнею силой».

«Я, со своей стороны, вижу бессилие самой жизни».

«Но вера в нравственные начала и вера в жизнь – две вещи совершенно разные...».

«Я разделяю мнение тех, которые не верят в гарантию, в правду, чем-либо формулированную, но не верю вполне и самой жизни, почему и приходила мне в голову мысль, что роль правительства – быть регулятором движения жизни, хранителем общих начал в чистоте их, которые легко устраиваются самою жизнью»⁵⁰.

Таким образом, в первой половине XIX века в русской литературе оформился очень важный для нее концепт – «жизнь». Это понятие использовалось в качестве основополагающего представителями разных направлений – литературных (романтизм и реализм), идейных и общественно-политических (западники и славянофилы, радикалы и консерваторы). «Жизнь» возводилась к Богу или становилась Его заменой. В каждом случае использование этого понятия в художественных, критических и публицистических текстах требует специального рассмотрения и осмысления.

Ориентация русской литературы на объективное воспроизведение действительности («реализм») сопровождалась в большинстве случаев пониманием органического единства всего живого, его особой природы, что позволяет говорить о своеобразном «витализме» отечественной словесности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М.: Худож. лит., 1981. Т. 6. С. 113.

² Жуковский В. А. Собр. соч.: В 4 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1959. Т. 1. С. 367.

³ Там же. С. 374.

⁴ Там же. С. 335.

⁵ Там же. С. 459.

⁶ Жуковский В. А. Эстетика и критика. М.: Искусство, 1985. С. 350.

⁷ Веселовский А. Н. В. А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1904. С. 359.

⁸ Языков Н. М. Стихотворения и поэмы. Л., 1988. С. 238.

⁹ Цит. по кн.: Веселовский А. Н. Указ. соч. С. 357.

¹⁰ Европеец: Журнал И. В. Киреевского. 1832. М.: Наука, 1989. С. 14–15.

¹¹ Г. Риккерт пишет о книге «Так говорил Заратустра»: «Тут „жизнь“ является как бы живым человеческим существом, любимой женщиной. <...> Поэт вступает в любовную связь с жизнью, хотя он знает, что имеет дело с достаточно соблазнительной красоткой» [2: 24].

¹² Европеец. С. 19–20.

- ¹³ См.: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. XVII. С. 286–287.
- ¹⁴ Киреевский И. В. Избранные статьи. М., 1984. С. 101.
- ¹⁵ Там же. С. 354. См. также: Русские писатели. 1800–1917: Биограф. словарь. Т. 2: Г–К. М., 1992. С. 221.
- ¹⁶ Киреевский И. В. Полн. собр. соч. / Изд. А. И. Кошелева. М., 1861. Т. II. С. 96.
- ¹⁷ Белинский В. Г. Собр. соч. Т. 6. С. 91.
- ¹⁸ Григорьев Аполлон. Литературная критика. М., 1967. С. 458.
- ¹⁹ Белинский В. Г. Собр. соч. Т. 9. С. 443.
- ²⁰ Там же. С. 507.
- ²¹ В. Г. Белинский в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит., 1977. С. 473, 503.
- ²² Белинский В. Г. Собр. соч. Т. 3. С. 162.
- ²³ Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 9 т. М., 1994. Т. 6. С. 248.
- ²⁴ Там же. С. 249.
- ²⁵ Гоголь Н. В. Собр. соч. Т. 7. С. 243–244.
- ²⁶ Там же. С. 69.
- ²⁷ Там же. С. 154.
- ²⁸ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 14 т. М., 1952. Т. XII. С. 75.
- ²⁹ Гоголь Н. В. Собр. соч. Т. 6. С. 59.
- ³⁰ Там же. С. 184.
- ³¹ Гоголь Н. В. Собр. соч. Т. 5. С. 245, 362.
- ³² Гоголь Н. В. Собр. соч. Т. 6. С. 191, 34.
- ³³ Там же. С. 226, 216, 230.
- ³⁴ Одоевский В. Ф. Русские ночи. Л., 1975. С. 102–103.
- ³⁵ Там же. С. 230.
- ³⁶ Хомяков А. С. О старом и новом: Статьи и очерки. М.: Современник, 1988. С. 63, 81, 89, 96, 99, 116, 151.
- ³⁷ Кошелев А. И. Мои воспоминания о А. С. Хомякове // Кошелев А. И. Самодержавие и Земская дума. М.: Институт русской цивилизации, 2011. С. 169.
- ³⁸ Киреевский И. В. Избранные статьи. М., 1984. С. 169, 280.
- ³⁹ Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика. М.: Современник, 1981. С. 146.
- ⁴⁰ Там же. С. 194.
- ⁴¹ Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. М.: Худож. лит., 1988. Т. 2. С. 98.
- ⁴² Аксаков К. С. Эстетика и литературная критика. М., 1995. С. 225.
- ⁴³ Поэты кружка Н. В. Станкевича. М.; Л.: Сов. писатель, 1964. С. 424.
- ⁴⁴ Цит. по ст.: Пирожкова Т. Ф. «Жизнь как трудный подвиг» (В. С. Аксакова, ее дневники и письма) // Аксакова, Вера. Дневники. Письма. СПб.: Пушкинский Дом, 2013. С. 23.
- ⁴⁵ Аксаков И. С. Стихотворения и поэмы. Л., 1960. С. 83.
- ⁴⁶ Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика. С. 308.
- ⁴⁷ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Т. II. Письма 1849–1857 гг. М.: Русская книга, 2004. С. 76.
- ⁴⁸ Русская литература. 2006. № 1. С. 139.
- ⁴⁹ Аксаков И. С. Отчего так нелегко живется в России? М.: Российская политическая энциклопедия (РОСС-ПЭН), 2002. С. 26.
- ⁵⁰ Там же. С. 27, 28.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кунильский А. Е. Источники витализма в русской литературе первой половины XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2016. № 7–1 (160). С. 100–104.
2. Риккерт Г. Философия жизни: Изложение и критика модных течений философии нашего времени / Пер. Е. С. Берловича и И. Я. Колубовского. Пб.: Academia, 1922. 167 с.
3. Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М.: Наука, 1969. 424 с.
4. Фойницкий В. Н. Об источниках выражения «живая жизнь» // Русская речь. 1981. № 2. С. 10–11.
5. Чижевский Д. И. Гегель в России. СПб.: Наука, 2007. 411 с.

Kunil'skiy A. E., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

VITALISM IN RUSSIAN LITERATURE OF THE FIRST HALF OF THE XIXth CENTURY

The article focuses on the existence of the concept of “life” and its enhanced version of “lively life” in Russian literature of the 20s–40s of the 19th century – in the works of Zhukovskiy, Gogol, Belinskiy, Bakunin, Odoevskiy, and slavophiles. The paper clarifies penetration sources of the concept of “lively life” into the national culture. It is noted that the concept in focus was used by the representatives of various literary and socio-political trends to express the most important for them ideas and values.

Key words: Russian literature of the first half of the 19th century, theme of life, vitalism, “vital life”

REFERENCES

1. Kunil'skiy A. E. The Origins of “Vitalism” in the Russian Literature of the First Half of the 19th Century [Istochniki “vitalizma” v russkoy literature pervoy poloviny XIX veka]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University]. 2016. № 7-1 (160). P. 100–104.
2. Rikkert G. *Filosofiya zhizni: Izlozhenie i kritika modnykh techeniy filosofii nashego vremeni* [Philosophy of Life: Presentation and Critique of Fashionable Trends of Modern Philosophy]. Petersburg, Academia Publ., 1922. 167 p.
3. Tyunyanov Yu. N. *Pushkin i ego sovremenniki* [Pushkin and His Contemporaries]. Moscow, Nauka Publ., 1969. 424 p.
4. Foynitskiy V. N. About the Origins of the Concept of “Lively Life” [Ob istochnikakh vyrazheniya “zhivaya zhizn”]. *Russkaya rech'*. 1981. № 2. P. 10–11.
5. Chizhevskiy D. I. *Gegel v Rossii* [Hegel in Russia]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007. 411 p.

Поступила в редакцию 16.01.2017